

Голубева Людмила Николаевна

**ДЕВАЛЬВАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ КАК ОТРАЖЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XXI ВЕКА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 21-23. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Роль внешнего контроля при обучении правильной речи на иностранном языке огромна, но важно так организовать контроль за речью обучаемых, чтобы он не подменял собой самоконтроля, а создал условия для формирования последнего. От развернутого внешнего контроля следует постепенно переходить к контролю свернутому, приводящему в действие самоконтроль обучаемых. Внешний контроль должен уменьшаться при переходе учащихся на более высокий уровень самоконтроля и в итоге должен уступить место последнему, оставляя за собой право исправлять те ошибки, которые лежат вне компетенции обучаемых и фиксировать случаи нарушения самоконтроля.

Таким образом, формирование внутренней программы правильного речевого действия на иностранном языке и правильно организованный внешний контроль являются основными предпосылками формирования у обучаемых умения самостоятельно регулировать свою иноязычную речь.

Список литературы

1. **Зимняя И. А., Китросская И. И., Мичурин К. А.** Самоконтроль как компонент речевой деятельности и уровни его становления. М., 1970.
2. **Непомнящий А. В., Захаревич В. Г.** Самоорганизация, самоконтроль и саморегуляция в учебном процессе. Таганрог, 1989.
3. **Никифоров Г. С.** Самоконтроль человека. ЛГУ, 1989.
4. **Соловова Е. Н.** Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2006. 238 с.
5. **Соловова Е. Н.** Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход. М.: Глосса-Пресс, 2004. 336 с.

УДК 316

*Людмила Николаевна Голубева
Елецкий филиал РОСНОУ*

ДЕВАЛЬВАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XXI ВЕКА[©]

Институт семьи в России начала XXI века переживает кризис. Об этом свидетельствует рост числа разводов, т.е., нестабильность семьи, увеличение числа детей, рожденных вне брака, «атомизация» семьи, т.е. ослабление внутрисемейных связей (проживание бабушек, дедушек отдельно от семьи с детьми), ориентация на одного ребенка, рост числа гражданских браков. Рост количества правонарушений среди подростков, распространение девиантного поведения свидетельствует об ослаблении таких функций семьи по классификации М. С. Мацковского, как моральная регламентация поведения членов семьи отсутствие условия для саморазвития и самореализации. Подростки зачастую ощущают себя «чужими» в семье, а смыслобразующие ценности они ищут «на стороне», т.е., заимствуют у членов референтных для них малых групп, как правило, состоящих из их сверстников, для которых характерна «игровая идентичность». А. В. Захаров пишет: «Индивиды не прикрепляются» накрепко к определенным культурным образцам и традициям (в том числе и семейным), а свободно меняют их, подобно маскам, в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации» [2, с. 14]. Готовые образцы и стили поведения подростки обычно заимствуют из сериалов, для героя которого жизнь - сплошной поток удовольствий, приключений. Но Анна Фрейд, дочь Зигмунда Фрейда, учительница по профессии, указывала, что в основе социализации ребенка должен лежать Закон перехода от принципа удовольствия к принципу реальности. Этот переход необходим для эффективной социализации, которая должна стать защитой от асоциальных инстинктов агрессии, эгоцентризма и др., и он осуществляется в психосоциальном развитии подростка. Л. Ф. Обухова пишет: «Становление принципа реальности, с одной стороны, и мыслительных процессов - с другой, открывает путь для новых механизмов социализации» ... Однако эта внутренняя инстанция все еще слаба и долгие годы нуждается в поддержке и опоре со стороны авторитетного лица (родители, учитель) и может легко разрушиться из-за сильных переживаний и разочарования в нем» [6, с. 78]. Сверх-Я и есть цензор, когда человек должен подчиняться нормативам и требованиям реальности, включая совокупность культурных и моральных норм.

Эффективная социализация возможна лишь в семьях, относящихся к первому и второму типам (согласно классификации Р. М. Капраловой), т.е. в семьях, отношения в которых выстроены на базисных принципах гуманизма, социальной ответственности за воспитание детей, приобщение их к культуре» [1, с. 53]. Однако таких семей мало, ибо еще в начале 90-х годов XX века родители оказались «выбитыми» из привычных социальных ниш, и они были вынуждены осваивать иные формы и стили (шоп-туры для занятия коммерческой деятельностью, работа по совместительству), а бабушки и дедушки погрузились в состояние социальной фрустрации, а дети стали превращаться в ПЕПСИ и ИНТЕРНЕТ - поколение, для которого характерны нравственный инфантилизм и потребительская позиция в семейных отношениях. Так, согласно данным социологических опросов в системе ценностных ориентаций студентов СЕМЬЯ представлена следующими ориентациями: «родительский кошелек», «обеспечение благополучия своих детей», обеспеченная семья, «материальная поддержка семьи» [3, с. 52].

Преодоление потребительской мерки ценностных ориентаций у молодежи возможно лишь в ходе укрепления семьи как социального института. В. Ц. Попова пишет: «Сегодня стала особенно нужна духовная крепость семьи: раньше она давалась легче, теперь дается с трудом, осуществляется при действительном преодолении всех тех сил раздробления, охлаждения, которые заключены в современном мире» [7, с. 9-10]. Это и просвещение родителей в школе, и развертывание сети психологических консультаций, проведение массовых семейных мероприятий и т.д. Следует стремиться к росту семей первого и второго типов (см. выше). Это подметил еще Л. Н. Толстой (1828-1910) в образе Вронского в романе «Анна Каренина». Он пишет: «Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейной жизни, но и в семье, и в особенности в муже, по тому общему взгляду холостого мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более - смешное» [8, с. 67]. Враждебное отношение к семье объясняется тем, что и мать и его отец подчинялись своду правил «света» - референтной для них элитарной группы, задающим матрицу поведения вне рефлексии над поступками, эмпатии, взаимного уважения и сопереживания. Встреча с Анной Карениной для него стала катастрофой, ибо, свод его правил не вполне определял все условия, и в будущем представлялись трудности и сомнения, в которых Вронский уже не находил руководящий нити» [Там же, с. 337]. Анна Карениной в отношениях с Вронским недоставало сопереживаний, соучастия - на эти чувства Вронский не был способен в силу отсутствия семейного воспитания и в своем отношении к Анне Вронский воспроизводит модель семьи как формального союза отчужденных личностей, которую Анна воспринимает как «Ад» - ад вынужденного «бытия - вместе с другими»: «Если он (Вронский - Л. Н. Голубева), не любя меня из долга будет добр ко мне, а того не будет, что я хочу - да это хуже в тысячу раз даже, чем злоба! Это - ад! А это и есть. Он уже давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть... Возможно ли какое-нибудь не счастье уже, а только не мучение? Нет, нет. - ответила Анна себе уже без всякого колебания. - Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я делаю его не счастье, он мое, и переделать ни его, ни меня нельзя. Все попытки сделаны, винт свинтился» [Там же, с. 840].

Л. Н. Толстой нашел емкую метафору «винт свинтился» для характеристики неустойчивости отношений в семье, когда ее члены общаются на условиях социальной сделки в соответствии с матрицей символических кодов, статусной иерархии. Исчезает духовный стержень семьи, который у Л. Н. Толстого ассоциируется с понятием Дом. Тема «духовного стержня» семьи раскрывается в контрастном к флигер-адъютанте Алексею Вронского образе Константина Левина. Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» писал: «Дом был большой и старинный, и Левин, хотя жил один, но топил и занимал весь дом. Он знал, что это даже нехорошо и противно теперешним новым планам, но был целый мир, в котором жил и умер его отец и мать. Они жили той жизнью, которая для Левина казалась идеалом всякого совершенства и которую он мечтал возобновить со своей женой, своей семьей» [Там же, с. 107-108]. Иными словами, дом - семейный очаг, пространство индивидуальной свободы и в то же время собеседования с близкими людьми, духовного общения, в ходе которого вырабатывается иммунитет к разрушительным воздействиям жизненной среды. Беспамятство и безбытность - синонимы утраты интуиции Дома. В. Линков и А. Саакянц пишут: «Дом - это святыня для Левина, и память и живой завет. Дом охраняет Левина, дом живет и в нем, и в нем, в его духе живы мать и отец героя... Дом не просто жилье, удобная квартира как у Вронского, но и память о матери, отце, детстве. Даже не просто память, а как бы присутствие дорогих людей и дорогого прошлого в настоящем» [4, с. 157-158]. Вот почему для Левина семейные ценности имеют приоритетное значение и на них он ориентируются. В романе «Анна Каренина» мы читаем: «Любовь к женщине он не только не мог представить себе без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитийских дел: для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело все его счастье» [8, с. 108].

Толстовское определение «общежитийское дело» точно передает выпадение ценности семьи из миропонимания индивида - вот почему брак превращается в лотерею, а следствием этого и является увеличение количества разводов.

Девальвация ценности семьи в постсоветской России произошла по причине ускоренных модернизаций экономического, политического, социального характера. Старшее поколение в силу исторической памяти не воспринимала идею рынка. Подрастающие поколения и молодежь стала даже к образованию относиться как к средству достижения социального успеха. Но социальное оказалось в их представлениях синонимом экономического (высокий заработок, престижная профессия, дающая «большие деньги»). И. В. Мостовая пишет: «Символами успеха у молодого, до 29 лет, поколения становятся «Большие деньги», а вот «самореализация» заботит только высокообразованных и развитых в интеллектуальном и культурном плане людей» [5, с. 158]. При этом статусные ранги профессий, требующие упорного труда и самообразования, значительно упали: врач, профессор университета, научный работник, инженер-конструктор.

Ценность семьи постепенно теряет свое духовное измерение - исследования социологов раскрыли категориальный каркас изменившегося содержания данной ценности в реалиях современных семейно-брачных отношений» [Там же, с. 154-156]:

- семья - носитель экономических ресурсов, включая школьные и культурные;
- семья - гарант доступа к рынку занятости и труда («первое место работы» зачастую определяется связями родителей, их социальным статусом);
- семья - передатчик социального капитала (экономических ресурсов, улучшения жилищных условий, наследства, социокультурного опыта «встраивания» в реалии рыночного общества);

• семья - канал повышения статуса путем «включения» в семейную сеть (клан) с более высокой социальной позицией, т.е. распространение браков по расчету и ориентация детей на должный выбор друзей и подруг из семей высокого социального статуса.

Таким образом, молодежь становится иждивенцем семейных ресурсов и социокультурного «наследства», что затем определяет их активность, социальную мобильность. Соответственно, встает вопрос о необходимости учета ценностной основы воспитания подрастающих поколений в системе непрерывного образования. Любовь к семье как носителю духовной памяти Рода следует прививать детям еще в детском саду, а затем эстафету должны взять школа, профессиональные образовательные учреждения. Необходима также разработка научно-обоснованных моделей семейного воспитания и их трансляция в социум на основе системной работы.

Список литературы

1. **Загряжский В. И., Зайцев М. П., Курдюмов Г. Н., Селиванова О. А., Строков Ю. П.** Основы социальной педагогики: учебное пособие для студентов пед. вузов и колледжей / под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 2002. 160 с.
2. **Захаров А. В.** Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 3-16.
3. **Зимняя А. А., Боденко Б. Н., Морозова Н. А.** Воспитание - проблема современного образования в России (состояние, пути решения) / Исслед. центр проблем качества специалистов. 2-е изд. М., 1999. 81 с.
4. **Линков В., Саакянц А.** Лев Толстой. Жизнь и творчество: книга для чтения с коммент. на англ. языке. М.: Русский язык, 1979. 271 с.
5. **Мостовая И. В.** Социальное расслоение: символический мир метаигры: учебное пособие. М.: Механик, 1996. 208 с.
6. **Обухова Л. Ф.** Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995. 360 с.
7. **Попова В. Ц.** О взаимодействии педагогов и родителей // Школа: история и современность: межвуз. сборник науч. трудов. Липецк: ЛГПУ, 2006. Вып. 2. С. 6-10.
8. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР. 907 с.

УДК 372.8

Ольга Ивановна Горева
Кузбасская государственная педагогическая академия

НРАВСТВЕННАЯ БЕСЕДА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ВУЗЕ[©]

Изменения в государственно-политическом, экономическом устройстве России, социокультурной и духовной сферах, произошедшие в начале 90-х годов, повлекли за собой не только переоценку, но и утрату нравственных ценностных приоритетов. Произошло смещение и смешение норм и идеалов, что привело к безответственности личности за свои поступки, в том числе и речевые, наступила опасность «духовной деградации» [1, с. 9].

Современная школа, отказавшись от многих догм социалистического прошлого и часто неуместно копируя западный стиль обучения, без учета специфики российского менталитета, не только теряет самобытность, но и те ценностно-нравственные ориентиры, на которых были воспитаны многие поколения русских людей: не в моде сейчас чувства патриотизма и коллективизма, понятия чести и долга и т.п.

На наш взгляд, способность руководствоваться идеальными нормами поведения в реальной действительности, учить находить контакт с любым собеседником возможно только в условиях нравственной беседы (далее - НБ). Такая беседа актуальна, прежде всего, в школе, где возможно «инициировать благоприятный нравственный климат общения» [2, с. 29] и «на личностном уровне взаимодействия учителя и ученика реализовать его нравственный потенциал» [3, с. 60].

Как показывают результаты анкетирования, педагоги испытывают немало трудностей при проведении НБ, а ученики в своем большинстве готовы к такому общению с учителем.

Анализ лингвистической литературы показал, что НБ как речевой жанр мало изучен. Некоторые попытки в исследовании ее особенностей представлены в работах В. В. Дементьева, Л. Н. Дьяковой, К. Ф. Седова, И. А. Стернина, В. В. Фениной, Н. И. Формановской, где, например, рассмотрена структурная организация НБ (Л. К. Граудиной, Г. И. Кочетковой, А. К. Михальской). Однако за рамками педагогических исследований остаётся речевая деятельность самого учителя - адресата НБ как коммуникативного лидера, не рассматривается речеведческая составляющая его профессиональной подготовки к реализации такого обучения, которая складывается из комплекса специальных коммуникативно-жанровых умений, не разработана система изучения НБ в педагогическом вузе.